

**Значение писем читателей для эволюции
творчества В. Розанова
(«В мире неясного и нерешенного» и др.)**

Ноака Сусуму
(*Университет Сайтама*)

0.

Широко известно пристрастие Василия Розанова (1856-1919) к письмам читателей, которое служило конструктивным принципом некоторых его произведений (Ноака 2009). Анна Кроун справедливо отозвалась об этом приеме Розанова как о свидетельстве его глубокого внимания к коммуникативному аспекту (Crone 2010: 83). Дело в том, что Розанов всегда пытался представить свою коммуникативность по отношению к читателям как нечто личное и интимное, открывающее, по его убеждению, новый важный аспект в отношениях между писателем и читателями. В статье «Святое чудо бытия» (1900) он пишет:

Вообще, я думаю, литература есть настолько же дело читателя, творчество читателя, насколько есть творчество и дело писателя. Тут есть круг интимности, иногда почти телепатической. (...) Сочувствием и пониманием, раздражением или негодованием читатели создают пищу для писателя; волнуясь про себя, и иногда волнуясь даже не выходя из кабинета, они каким-то телепатическим способом сообщают свое волнение и пишущему. (Розанов 2004: 309)

Характерно, что Розанов хвалился такими «интимными» отношениями со своими читателями, цитируя их письма, рассказывающие личные мнения и заветные чувства.

Правда, надо иметь в виду, что к концу XIX века внимание к письмам читателей в журналистике в России становилось все сильнее. Отчасти это происходило потому, что в результате распространения газет и иллюстрированных журналов появились новые слои читателей. В этом отношении не следует считать Розанова исключением, он, скорее, вписывался в общую тенденцию журналистики. Но в некоторых произведениях он пользовался письмами читателей очень последовательно и применял стратегию, в результате которой в рамках комментирования эти письма подвергались определенной трансформации в отношении самой «интимности». Дело в том, что в письмах читателей его притягивала сама «интимность», частная сфера жизни человека, переданная своими словами. Ему было важно не только содержание, но и форма писем. Этим объясняется, по нашему мнению, его особенное пристрастие к чужим письмам и их цитированию.

Кульминацией данной тенденции являются статьи Розанова конца 1890-х гг., посвященные вопросам брака и развода, пола и церкви, которые были собраны в книгах «Религия и культура» (1899), «В мире неясного и нерешенного» (1901, 2-ое изд. 1904) и «Семейный вопрос в России» (1903). Считается, что эти книги сделали Розанова популярным и читаемым писателем (Сухов 1995: 208). Составляя эти книги, писатель добавил туда многие «матерьялы», например, частные письма читателей и важные статьи оппонентов со своими многочисленными комментариями, которые он не мог полностью напечатать в оригинальных статьях. Таким образом он давал выход тем аспектам частной жизни «обыкновенных» людей, о которых не было принято говорить открыто, тем более в печати. Важно отметить, что в книгах на другие темы он не занимался публикацией писем читателей так систематично, как в вышеуказанных произведениях (в серии «Литературные изгнанники» были собраны письма друзей, а не читателей Розанова).

Мы попытаемся выяснить, какую позицию занимал Розанов по вопросу пола и семьи и какое значение он придавал письмам читателей при его обсуждении. Как пишет историк европейской грамотности Д. Винсент, образ частного читателя или писателя был «единичным, но не замкнутым в себе (alone but not enclosed)», поскольку «длинное

путешествие от ограниченной грамотности к развитой требовало коллективной практики» (Vincent 2000: 103-104). Розанов также по-своему управлял коллективной практикой, цель которой состояла в формировании дискурсивного пространства частной жизни. Этим парадоксальным по своей сути проектом он занимался, используя силу медиа своего времени – газеты.

1.

Надо сказать, что рамки того, о чем могут писать газеты и журналы, не являются постоянными и зависят от эпохи. Кажущиеся неизменными границы в действительности постоянно престапаются и подвергаются изменениям. В этом отношении стоит обратить внимание на резкое замечание А. С. Суворина, издателя и редактора «Нового времени», относительно статьи Розанова о мотиве любви к умершей девушке в «Коринфской невесте» Гете. Суворин, признавая, что он сам читает в «специальных книгах» о случаях так называемого извращения полового инстинкта, категорически исключил возможность давать писать о такой теме в своей газете. Он пишет: «Я не философ, но твердо знаю, что не дело газеты печатать судебно-медицинские протоколы о любовных актах не только с мертвыми, но и с живыми. Это дело специальных исследований, и притом в странах с полной свободой печати» (Розанов 2006: 307). Так написал Суворин в 1902 г., т. е. уже после того, как Розанов начал полемику в «Новом времени» по поводу развода и пола. Ясно, что пол как самая частная сфера жизни продолжал быть центром вопроса о границе «возможного» и «невозможного» в газете.

Что касается читателей, многие из них также подметили, что Розанов переступил ту границу, о которой идет речь. В своей книге он напечатал письмо возмущенного пожилого читателя:

Помни, что пишешь в распространенной газете, – потому имей приличие: себя назвать как хочешь можешь, но мы, читатели, не подлецы, не циники, не свиньи (...). / Я уже старый человек, и с ужасом вижу, как и в печати русской начинает царить озорство и нахальство. (...) / Удивляюсь г-ну Суворину, всегда, хотя видимо,

благонадежному. (Розанов 2004: 324)

Также характерно, что в полемике о браке и разводе не только Розанов и его оппоненты, но и некоторые читатели обращали внимание на вопрос о том, можно ли давать девушкам читать газеты со статьями о браке и разводе. Розанов, разумеется, отвечал положительно, а оппоненты ужасались (Розанов 2004: 491-492). Таким образом, не только содержание, но и сама манера спора, т.е. его открытость и медийность, составляли предмет полемики.

Как показывают историки, между специалистами (главным образом, юристами) долго шли дискуссии о необходимости изменения закона о разводе и так называемых «незаконнорожденных» детях (Wagner 1994: part I). Те, кто хотел и не добился развода, подавали в суд или писали письма с жалобами в Министерство юстиции и Святейший Правительствующий Синод, чтобы получить развод или официальное разрешение на раздельное проживание (Engel 2011). Что же касается писем Розанову в редакцию «Нового времени», то они выполняли другие функции. Если юристы и чиновники считали обсуждение специалистов самым надежным, почти единственным способом разрешения вопроса, то Розанов раскрыл другой план его обсуждения в массовом дискурсивном пространстве – используя письма читателей. Правда, к концу века в печати уже начали появляться статьи по данному вопросу (Wagner 1994: 180), но у Розанова был разработан новый подход к нему. Он пытался представить вопрос именно в плане самой интимности или частной сферы жизни. Вот откуда у него особенно субъективное и эмоциональное отношение к письмам читателей и своеобразная манера подхода к самому вопросу. Оппоненты же критиковали его подход к вопросу брака и развода, пола и семьи, говоря, что у него отсутствует единый план. Оппонент «А-т» (В. К. Петерсон) в «открытом письме В. В. Розанову», напечатанном в «Новом времени» (9. 11. 1900), начал так: «Дорогой друг, зачем затевать спор не в одной плоскости и опровергать то, что сказано для подвального этажа, указаниями на этажи верхние? Зачем чисто практическое гражданское дело подпирать или критиковать божественным началом в человеке?» (Розанов 2004: 340). Он

справедливо указал на двойственную аргументацию Розанова. Как известно, критики и исследователи также дают ему характеристику, отмечающую некую двойственность стиля: например, «биологический мистик» (Rosenthal 1975: 73, Уре 2011: 85), «религия быта» (Германов 1995), «мистик в мещанстве» (Лосев 2001). Мы можем охарактеризовать двойственность подхода Розанова к данному вопросу формулой «сакрализация и секуляризация пола». Два направления, которые обычно считаются противоположными в отношении религии и общества, были соединены у Розанова так, что его позиция вызывала реакцию с разных сторон – юридической, общественной, религиозной или философской. Такая гибридность была бы невозможной в дискуссии специалистов, но оказалась плодотворной в рамках массовой журналистики благодаря «гамме человеческих чувств» стиля Розанова (Трубецкой 1995: 297), в состав которых вошли, по нашему мнению, и голоса читателей.

Двойственность концепции Розанова была явно видна с начала полемики, которую вызвала его статья «Брак и христианство», напечатанная в 1898 г. в журнале «Русский труд», а потом была продолжена на страницах «Нового времени» (Розанов 2004: 793-794). Розанов поднял вопрос о «трансцендентности» пола и брака,¹ с одной стороны, и о необходимости развода как «очистительного» действия для утративших содержание неудачных браков, как первый брак самого Розанова с А. П. Суловой, с другой. Эти две стороны вопроса, философско-богословская и политико-общественная, составляли неразрывную сущность позиции Розанова как мыслителя-публициста, часто смущавшего и раздражавшего оппонентов смешением, по их мнению, уровней вопроса.

На философско-богословском уровне Розанов сформулировал свою позицию, например, следующим образом: «*рождение и все около рождения* – религиозно» (Розанов 2004: 59. Курсив в оригинале). Следствием этого тезиса явилась, с одной стороны, радикальная критика по адресу монашества, аскетизма вообще и даже некоторых аспектов Евангелия, а с другой – восхищение и преклонение перед иудаизмом и другими религиями (язычеством). Розановский тезис вызвал возражения главным образом у тех, кто считал сам семейный

(половой) союз изначально грешным, отстаивая силу христианства и церкви в облагораживании его. Например, один из оппонентов под псевдонимом «Мирянин» писал: «Лишите семью христианской основы, и она превратится в сожительство самца, самки и их детенышей» (Розанов 1995: 163). На это Розанов, критикуя несправедливость оппонента в комментариях, что характерно для его манеры полемики, возражает в своем отрывочном, разговорном стиле: «А у греков и римлян, а у евреев? Да вы совсем забыли историю, и вам нужно напомнить примеры Дамайнти, Пенелопы, Андромахи, Руфи» (Розанов 1995: 163). Ряд «сакрализации» пола, брака и семьи у Розанова развивается многими вариациями, выражающимися чаще всего в интуитивных и афористических формулировках, как следующие:

Отчего семья так мила у кошек, у слонов и у японцев?? И отчего она менее удалась у нас? (Розанов 2004: 21)

«Пол» есть не «животное» в человеке, как обыкновенно думают; наоборот – это есть «человеческое», по крайней мере начало чего-то человеческого в животном. (Розанов 2008: 240)

Нет вовсе «музыкальных» и «живописных» лиц, но есть «целомудренные» и «развратные»: очевидно, что лицо есть ответ пола, его далеко отброшенное, но точное и собранное, сосредоточенное устремление. Вот отчего любовь, т. е. бесспорно и исключительно половое чувство, начинается с взгляда на лицо (...). (Розанов 1995: 23)

Хотя такие отрывки, безусловно, показывают определенное единство мышления и этоса писателя, их невозможно привести в некую стройную систему. Нельзя сказать, чтобы Розанов вовсе не заботился о единстве своей позиции, но в то же время очевидно, что он не стремился и к созданию некоей законченной системы, вероятнее всего, после неудачи с его первой книгой «О понимании». Как публицист, регулярно печатающийся в таких газетах, как «Новое время», он должен был иметь в виду не тех читателей, которые бы терпеливо следили за ходом

мысли писателя на протяжении целой книги, а тех, которые торопливо проглатывали строки и решали, как реагировать на них, соглашаться с ними или нет. Развивая в очередных статьях идею о святости пола и брака, он касался ее различных проявлений как на конкретном, так и на абстрактном уровнях. Противопоставление же быта и бытия, которое считается характерным для русской философской культуры начала XX века (Долгополов 1988: 6 и др.), не имело решающего значения для Розанова, сделавшего акцент на связи богословско-философской стороны вопроса с ежедневной жизнью обыкновенных людей.

Что же касается общественно-политической стороны розановской концепции брака и семьи, то следует заметить, что Розанов много писал о необходимости «секуляризации» управления этим вопросом. Он утверждал, что вопрос о разводе должен принадлежать не консистории, а светским учреждениям государства. Как известно, из-за большой трудности развода в царской России было много «незаконных» браков и «незаконнорожденных» детей, в том числе и второй брак Розанова с В. Д. Бутягиной и их четыре дочери (Розанов 1999 и др.). Несчастья и сложности, которые приносят такие браки и дети, возникают, по убеждению писателя, из-за того, что вопросами развода управляет духовенство, верхи которого, т. е. монашество, не имеют верного представления о супружестве и семье. Этими вопросами должны заниматься светские власти с государственной точки зрения, подобно тому, как они занимаются медициной, образованием и правами граждан. В полемике со священником Дерновым, развернутой в весьма характерной форме в книге «Семейный вопрос в России» (весь тридцатистраничный доклад священника был перепечатан вместе со многими критическими комментариями Розанова), писатель говорит по поводу воспитания молодежи в половой сфере:

Ничего вы не скажете, кроме девства, «потерпите» и проч. Невозможно стало вам говорить, а потому и вас нечего стало слушать. Трудно сказать, как это разрешить, я думаю — через взаимоотношение педагога, доктора и родителей, скорей всего с полным устранением несчастного, потерявшего свою науку «законо»-учителя. (Розанов 2004: 216)

Продолжая полемику с о. Дерновым, он пишет еще резче: «Давно пора отделить и точно ограничить, что хиротония и благодать священства действует в богослужениях, но в *частной жизни и научных мнениях* духовенство не действует» (Розанов 2004: 399. Курсив в оригинале).

Ряд секуляризации вопроса пола и брака у Розанова сочетается с рядом сакрализации того же предмета характерным и парадоксальным способом – у него обнажена двойственность рассуждения, что подвергалось критике оппонентов. Но, с другой стороны, смешение этих двух рядов придавало его рассуждениям многоплановость, которая видна, например, в следующих утверждениях: «Развод есть постоянный канал, через который совершается очищение главного социального института» (Розанов 2004: 91); «Дети — всегда и все законные. «Незаконнорожденные дети» — безграмотное слово» (Розанов 2004: 100). Стоит обратить внимание на то, что эти утверждения мотивированы не только сакральностью пола, но и секуляризацией его и соседствующих сфер: сравнение развода с каналом для очищения имеет явную коннотацию социальной гигиены,² подчеркивая секуляризационную сторону вопроса, а критика термина «незаконнорожденные дети», с другой стороны, основана на утверждении писателя, что рождение свято и «законно» с религиозной точки зрения. Таким образом, два ряда концепции пола и брака у него часто смешиваются с тем, чтобы усилить свою позицию и вызвать больше читательских реакций.

Надо признать, что указанные нами два ряда концепции пола у Розанова не всегда были в созвучии, и коллизия между ними придавала своеобразную парадоксальную силу его статьям. Равновесие чаще всего нарушается в пользу ряда сакрализации, например:

Рождение есть абсолют, на который опираются все слабейшие и низшего порядка явления. Нет рождающихся — нет граждан, нет верующих; нет государства как собрания граждан и самой церкви как собрания верующих. Все это плывет в рождениях, как суденышко в океане. (...) Но рождение — не факт социального устройства, а член религии. (Розанов 2004: 307-308)

Никогда нельзя и отнимать права семьи у больного, у предрасположенного к болезни. Их судьба особенно печальна. И где же сострадание, где милосердие, если у этих уже обездоленных людей мы отнимем право обнимать друг друга, утешать друг друга, облегчать друг друга? (...) И будут у них дети, тоже больные, — и они будут утешать их и сами ими утешаться. (Розанов 2004: 193)

Эти отрывки ярче всего показывают, что Розанов относится к полу и рождению как к святому. Но, как мы видим, сила или сенсационность его статей, в особенности напечатанных в «Новом времени», исходила не только из религиозной мысли. Гибридность аргументации, вызывая недоумение и негодование у оппонентов и критических читателей, в то же время соответствовала настроениям читателей, рассматривавших действительно многоплановые вопросы частной жизни в изменяющемся обществе на переломе веков. Для таких читателей были ближе и понятнее те статьи Розанова, которые находились между фельетонами и философской публицистикой, чем чисто философские статьи или дискуссии специалистов — юристов, врачей и церковных деятелей. У Розанова затрагивались многие аспекты, имеющие отношение к проблематике частной сферы — от религиозных до социальных на тематическом уровне и от спорных до интимных на стилистическом. Как замечает В. Г. Лебедева, в философской публицистике данного времени часто дискутировались вопросы массовой культуры (Лебедева 2007: 33). Поскольку частная сфера жизни составляет важный элемент массовой культуры, можно считать, что статьи Розанова о браке и семье также влияли на формирование общества и массовой культуры в России. Это хорошо осознавал сам Розанов, с гордостью отмечавший в предисловии ко второму изданию книги «В мире неясного и нерешенного», что ее читали «не одни философы, но и простые смертные» (Розанов 1995: 20). Голоса последних он представлял в ряде писем читателей, приложенных в конце книги, что было сделано также и в другой книге на ту же тему — «Семейный вопрос в России». Можно сказать, что прежде всего он стремился к тому, чтобы частная сфера жизни вошла в общественный институт как таковая, сохраняя свою закрытость и затаенность. Парадоксальность задачи была существенна,

поскольку от нее зависел эффект стратегии Розанова, печатавшего письма читателей с субъективными примечаниями, которые не столько анализировали, сколько повествовали о личном опыте.

2.

Розанову нравились не все письма читателей. Это заметно из его примечаний, и он не хотел скрывать этого. Очевидно, что он пользовался письмами читателей не как материалами для объективного наблюдения, а как поводом для углубления своих размышлений на данную тему в духе как бы интимного разговора. В этом отношении одним излюбленным прототипом корреспондента для него были читательницы, соглашающиеся с его мнениями и пишущие ему о самых сокровенных мыслях. Заслуживают внимания, например, письма двух читательниц о святости пола, напечатанные в главе «Из писем о материнстве и супружестве», состоящей из 21 письма читателей с примечаниями Розанова, в приложении к книге «В мире неясного и нерешенного».³ Читательница «Z.» пишет: «Сходясь, мы не раз вспоминали ваши слова, что этот акт надо сопровождать молитвой: так глубоко было наше чувство». А «С. Ч-ва» делает не менее личное признание о своей частной жизни:

Муж мой не мог понять чистого чувства в совокуплении, он всю жизнь считал его только плотским наслаждением, не вникая в величайшую тайну, которая для меня была именно тайна, великое предназначение брака, как орудие воли Творца. (...) Меня, при совокуплении, никогда не покидала мысль, что *эта* минута может стать началом жизни моего ребенка, что в *эту* минуту создается его тело и дух, а во мне зарождается жизнь. (Розанов 1995: 322. Курсив в оригинале)

Такие письма, которые были реакцией на розановские статьи, вызывают дальнейшие вариации его мысли в примечаниях к письмам, что принимает вид некоего обмена личными мнениями, тематически весьма потаенного, но медийно совершенно открытого. Подчеркнем

следующее: если бы не примечания Розанова, то эти письма утратили бы статус «голоса субъекта», вызывающего ответы или вопросы слушающего, на место которого Розанов ставит читателей этих писем. Иначе говоря, в своих примечаниях он как будто предвосхищает реакцию читателей чужих частных писем, по-своему манипулируя ими. В этом отношении субъективный тон у него был не так уж наивен, но конструктивен в формировании дискурсивного пространства «интимнейшего в открытом», куда он заманивал своих читателей.

Что касается вопроса о том, как принимали читатели Розанова такую открытость, в которую он неожиданно их вводил, стоит обратить внимание на то, что немало пишущих ему читателей замечали его манеру и реагировали на нее. Например, читательница «К. Д.», уже ожидая, что писатель напечатает ее письмо о семейной жизни, пишет: «*Вполне* доверяю вам мое письмо, если вы находите полезным напечатать его» (Розанов 2004: 505. Курсив в оригинале). Характерно, что она не желала только одного – чтобы ее имя было напечатано. А другой читатель признается в трудности писать лично о себе: «Мне больно писать лично о себе, и не привык я... я уже разрешил вам воспользоваться материалом, но с соблюдением полнейшей анонимности мест и лиц» (Розанов 2004: 591). Эти реакции показывают, что анонимность служила для некоторых читателей условием писать публично о своей частной жизни. Тут соединены, по-видимому, боязнь быть напечатанным и желание писать о себе, своем интимнейшем. Другой осторожный читатель принял собственные меры:

Многоуважаемый В. В.! Прежде всего простите, что посылаю вам письмо без подписи: не решаюсь же подписываться, зная вашу почти болезненную склонность печатать даже интимные письма, в которых автор прямо указывает, что пишет не для печати. (...) Удерживает меня от подписи также и ложный, может быть, стыд: я хочу вам сказать о вещах, о которых не то что писать, но и говорить серьезно не принято. (Розанов 1995: 333)

Далее этот читатель начал рассказывать о своем опыте обрезания, сделанного не по религиозной причине, а по сильному желанию жены

(«Жена рада, как ребенок. К совокуплению готовится, как к священнодействию»).

Таким образом, можно считать, что Розанов метко прицелился в комплекс боязни и желания некоторых читателей говорить обществу о частной сфере своей жизни в полускрытом виде. Он и научил их той манере представления самих себя, которая бы отвечала интересу массовой журналистики к новому предмету — частной жизни реального, но анонимного человека.

То, что Розанов открыл новую тему и дискурсивную сферу в газете, разумеется, имело немалое значение и в том смысле, что его оппоненты настораживались, увидев новую манеру Розанова в связи с массовой журналистикой. Правда, многие оппоненты относились к его статьям с пренебрежением, отзываясь, например, следующим образом: «Вот все, что почли мы долгом сказать по поводу *празднофельетонных рассуждений о браке и девстве*» (Н. Аксаков; Розанов 1995: 253. Курсив наш.); «Из *современных газетных толков* о христианском браке, по поводу статьи В. Розанова в «Новом Времени»» (название статьи К. Скальченкова; Розанов 2004: 158. Курсив наш). Но некоторые оппоненты дали более точный анализ нового положения дел, высказываясь о том, как противодействовать стратегии Розанова в связи с изменением рамок полемики. Так, А. Киреев пишет:

Я весьма далек от мысли, что «два-три фельетона публициста могут поколебать брак, семейство и государство». Фельетонизм, конечно, становится великою силою, — это явление прискорбное, но несомненное. Прежде силою была *книга*, но читать книги стало утомительно, скучно, на это требуется много времени, да и внимания; перешли к повременным изданиям, к журналу, дающему в сокращенном, «конденсированном» виде содержание всех новых книг, «последнее слово науки»; но и это теперь становится чересчур трудным, теперь весь центр тяжести дела перешел *в газеты, в фельетоны*. Делать нечего! (Розанов 2004: 492. Курсив в оригинале)

Анонимный же автор, по-видимому, принадлежащий церкви, жалуется на несоразмерность числа читателей газеты и духовного

журнала: «Статью г. Розанова «Непорочное счастье», прочтут тысячи людей, а статью г. Сильченкова, помещенную на страницах журнала «Вера и Разум», едва ли из этих тысяч прочтут сотни» (Розанов 2004: 157). А некий «*Novicius*» высказался о необходимости нового подхода к печатному слову, который должна принять церковь:

Пастырям, выступающим на борьбу со злом незаконных сожителств, больше всего надо писать в *ежедневных изданиях*, особенно в дешевых газетах, как более распространенных. Хорошо бы в 2-3 газетах завести особый отдел, где бы печатались статьи против безнравственности. (...) Газеты читают больше и охотнее, чем проповеди. Вот и надо подсыпать лекарство в самую употребительную пищу. – Только вот беда: мы пишем логично и доказательно, но большею частью неувлекательно. Как было бы хорошо – простите отцы за мечтательство! – *приглашать* к литературным работам в указанном роде более *благонамеренных талантливых литераторов*. (Розанов 2004: 254. Курсив в оригинале)

Таким образом, полемика касалась и вопроса о том, как ее вести; она не умещалась на чисто содержательном — философском или общественном — уровне. Кстати говоря, процент церковных книг в печати до самой Первой мировой войны падал в России сравнительно медленно (Vincent 2000: 115). Но и к России начала века подходит общее правило: грамотность — это обоюдоострый меч. Церковь была вовлечена в соревнование с альтернативными поставщиками «приемов и артефактов массовой коммуникации», и коммерческие издания на рынке обогнали церковные (Vincent 2000: 116). В этом отношении следовало бы рассматривать вышеуказанные опасения критиков по поводу влияния газетных публикаций Розанова как частный случай в общем движении общества.

3.

Надо отметить, что «успехи» Розанова в привлечении внимания к полемике вокруг полового вопроса были определены многими

аспектами исторического контекста российского общества того времени. Новая стратегия стала возможна не только благодаря смелости и таланту писателя, но и благодаря социальным трансформациям. Мы попытаемся кратко охарактеризовать контекст, в котором появились статьи Розанова, с тем чтобы дать понять определенную историческую необходимость их появления, хотя оно было действительно неожиданно и до некоторой степени непредсказуемо (момент «взрыва» в терминологии Юрия Лотмана).

Как известно, число желающих получить развод или жить раздельно (в особенности женщин) увеличилось после 1890-х гг. (Wagner 1994: 61). Это соответствовало общей тенденции в Западной Европе и Северной Америке данного периода, согласно которой большинство разводов было инициировано женщинами, живущими в городах (Wagner 1994: 94). Б. Энгель указывает на основании своих материалов, что две трети русских женщин, подававших жалобы для получения развода в Императорское учреждение с 1890 до 1902 г., были жителями двух столиц (Engel 2011: 6). Обратив внимание на большое число «незаконных сожителств и незаконнорожденных детей» в Петербурге, митрополит Антоний назначил особую комиссию для рассмотрения этого вопроса в 1899 г.; таких детей была одна треть от общего числа всех рождающихся (Розанов 2004: 287, 246).⁴ В связи с этим Розанов критикует церковь за то, что она не могла соответствовать процессу урбанизации. Например, в Петербурге большая трудность венчать приехавших на отхожие промыслы крестьян происходила от того, что они должны были делать оглашения по месту постоянного жительства. Даже если они уже давно, но временно жили в городе, от них требовалось свидетельство об оглашении с родины, а священники там часто отказывались давать им это свидетельство, потому что эти крестьяне уже много лет не жили на родине и священники не знали, женаты ли они теперь (Розанов 2004: 607, 246). Это вызывает, пишет Розанов, огромное множество нелегальных связей в Петербурге.

Таким образом, когда Розанов в следующем отрывке рассказывает об увиденной им в вагоне железной дороги возле Петербурга матери с больным ребенком, он просто описывает быт города. Однако он придает заурядному быту философско-сакральное значение:

Она была мещанка, одета бедно. Вдруг я обратил внимание, что на ней обручального кольца ни на одной, ни на другой руке не было, и догадался, что это – девушка. Мне хотелось с нею заговорить; но на нерешительный мой вопрос она промолчала, и, видимо, ей неприятно было, что я, пожалуй, с ней заговорю. (...) Но все время до Петербурга я наблюдал, с какою нежностью, укутав и уложив ребенка в передний угол длинной лавки, она сама ложилась у его ног, ничком, лицом книзу. Мать, сознательное, большое, свободное – служить рабынею у беспомощного, крохотного существа, которое бы не пискнуло, если б она его бросила. А он будет ей тяжел всю ее жизнь; «некуда глаза показать» (незаконнорожденный). На таковых служениях держится мир. (Розанов 2004: 270)

В то время как Розанов обращал пристальное внимание на письма читательниц, женщин, читающих газеты и журналы, становилось все больше. Периодическая печать давала новости и серийные романы для женщин и о них (MacReynolds 1991: 136-138). Новости о последней парижской моде или советы о том, как и что готовить дома, стали обычными темами газет и иллюстрированных журналов. Суворин давал в «Новом времени», например, мелодраматические рассказы Наталии Лухмановой, адресованные буржуазным читательницам (MacReynolds 1991: 136). С этой точки зрения, как нам кажется, нуждается в пересмотре или дополнении утверждение Динерштейна об адресатах газеты Суворина. Исследователь утверждает, что читательская аудитория «Нового времени» была сословно ограничена: это была газета, строго ориентированная на определенные категории читателей — бюрократию, помещичьи круги, офицерство (Динерштейн 1995: 189, Динерштейн 1998: 101). Но надо иметь в виду и женщин тех же сословий, читающих «Новое время». Например, Елизавета Дьяконова (1874-1902), чей «Дневник русской женщины» был напечатан в 1912 г., писала в своем дневнике, что она читала эту газету (Дьяконова 2006: 50, 98, 268, 348, 441). Долго стараясь получить разрешение поступить на высшие женские курсы без позволения деспотической матери, она однажды записала: «Если я сейчас получу отказ, если мое право на продолжение образования не будет признано... тогда я прямо от

Капустина [попечителя учебного округа] еду в редакцию газеты «Новое время» и расскажу там все...» (1895 г.; Дьяконова 2006: 252). При этом стоит обратить внимание на интеллектуальное самоопределение Дьяконовой; она описала случай, когда уже после поступления на курсы ей как-то сказали, что она «смесь буржуазии с интеллигенцией»:

— Вы – тип любопытный. (...) Воспитанная в чисто буржуазной среде, вы попали в студенческую, интеллигентную и, конечно, восприняли многие ее воззрения. Вот и получилась смесь...

Я молчала. Да, смесь! и какое-то горькое чувство поднималось в груди... (1899 г.; Дьяконова 2006: 434)

Но очевидно, что такого типа культурная и социальная «смесь» к концу XIX в. уже не была настолько редким явлением, как думали Дьяконова и ее знакомый. По утверждению Лебедевой, такие группы, как мещанство, чиновничество, учащая молодежь составляли основную базу «верхнего» («не лубочного») горизонта массовой культуры (Лебедева 2007: 82). Газеты и иллюстрированные журналы как коммерческие предприятия соперничали в расширении диапазона своих читателей-потребителей, и в этом состоял важный аспект формирования массовой культуры.

Таким образом, можно считать, что стратегия Розанова обращаться не только к элитной интеллигенции, но и к «простым смертным», т. е. читателям обоих полов среднего класса, формировавшегося как главный потребитель массовой культуры, имела своей основой положение общества и журналистики в России конца XIX — начала XX в.

Двойственность концепции Розанова в вопросе пола и брака, как мы указали выше, способствовала его знаменитости в двух планах: как публициста по вопросу о разводе и как философа пола. В обеих этих сферах он имел своих предшественников и соперников, подготовивших успех его полемики.

В плане секуляризации, как мы уже отметили, Розанову предшествовали дискуссии специалистов, в особенности юристов прогрессивной и либеральной направленности. Диспуты о необходимости облегчения процедур развода начали вестись между

юристами, церковью и такими консервативными политиками, как Победоносцев, в конце 1870-х гг. Эти диспуты были связаны также с принципиальными расхождениями между ними относительно роли церкви, государства и закона в Российской империи после 1860-х гг. (Wagner 1994: 126-137, Engel 2011: 3-4, 18-19). В принципе, дело постепенно шло к секуляризации, хотя, как известно, только после революции 1917 г. развод перешел под гражданский контроль (Engel 2011: 260-261). В предисловии к первому изданию «Семейного вопроса в России» Розанов успел записать в спешке (в срок корректуры) о появлении нового закона «Правила об улучшении положения незаконнорожденных детей», который, по его мнению, на 2/3 выполнял то, на чем он настаивал в 1899-1902 гг. «и что было встречено неслыханной озлобленной полемикой» (Розанов 2004: 9, 568-574, а также Розанов 1995: 12-13). Он явно считал своей заслугой «обнародованную» дискуссию об условиях секуляризации частной жизни граждан. Освобождение последней от ига церкви должно было осуществиться, по убеждению писателя, не столько мнениями специалистов, сколько голосами «массы», которую он представлял, как он верил, с помощью своего нового подхода к ней.

В плане же сакрализации половой сферы Розанов, разумеется, принадлежал к тем многочисленным писателям и мыслителям Серебряного века, которые занимались вопросами пола (Эткнд 1993, Matich 2005, Crone 2010 и др.). Как известно, существенную роль тут сыграла повесть Толстого «Крейцера соната», начавшая распространяться в виде рукописи с 1889 г. и опубликованная в 1891 г. Она имела большой резонанс и явилась причиной возникновения некоторых произведений писательниц, показавших разные вариации темы брака и любви с точки зрения женщин (Engel 2011: 33-35, Engelstein 1992: 218-221, Matich 2005: 51-54). На Розанова эта повесть также оказала серьезное влияние, он не раз к ней обращался (Розанов 2008: 150-151, 159-160).

Следует также иметь в виду, что к этому времени уже и те, кто находился вне круга элитной интеллигенции, начали высказывать свои мнения в связи с этим вопросом (Engel 2011: 31). В самом деле, спор вокруг «Крейцеровой сонаты» не был ограничен писателями и

мыслителями. Например, Елизавета Дьяконова в дневниках записала свое впечатление об этой повести, что служит свидетельством серьезной заинтересованности молодежи (ей было тогда 19 лет) данным вопросом:

Каким глубоко нравственным произведением показалась она мне! (...) Это было известно всем, но Толстой первый осмелился заговорить, и за это его обвинили чуть ли не в разврате. Разговаривая со мной о «Крейцеровой сонате», мужчины *все* порицали это произведение с разных точек зрения, учеными словами и выражениями, и ни один из них не сознался, что Толстой прав. (1893 г.; Дьяконова 2006: 82. Курсив в оригинале)

Таким образом, можно утверждать следующее: когда появились статьи Розанова о святости и сакральности пола, его позиция не была обязательно неожиданной в общественном контексте, который начинал трансформироваться в сторону массовой культуры. Истинно новое у Розанова — это медиа, среда и адресат, которые он себе выбрал. О. Матич пишет о новизне Розанова: «пол вошел в общественную дискурсивную сферу даже в таком невероятном контексте, как Религиозно-философское собрание» (Matich 2005: 221). Но сама тема уже до Розанова вошла в круг элитной интеллигенции. Важнее то, что он «проложил туннель» между элитной и массовой культурами в связи с дискуссией по вопросу о поле и браке в таком невероятном контексте, как «Новое время». Вспомним сердитую реакцию Суворина на статью Розанова.

В этом отношении плодотворным будет поставить вопрос о «самоопределении» Розановым своей культурной позиции и роли, т. е. о том, как он понимал свою позицию и играл свою роль в трансформировавшемся культурном и общественном пространстве России. В рамках настоящей статьи мы не можем достаточно осветить этот вопрос, но хочется выдвинуть гипотезу о многослойности его самоопределения своей культурной роли на основании новых моделей стиля, жанра и медиа.

Как мыслитель, он чувствовал свою связь с такими представителями

консервативной традиции 1860-е гг., как Н. Страхов, К. Леонтьев, Н. Данилевский.⁵ Адам Ур справедливо указывает на необходимость балансировки нашего взгляда на «новое» и «старое» в творчестве Розанова (Ure 2011: 141-142). Критики и исследователи, интересующиеся новой композицией таких произведений, как «Уединенное» и «Опавшие листья», склонны подчеркивать внимание писателя к «значению творения и новой жизни» (А. Кроун). Но, с другой стороны, у Розанова сильное стремление к старому – монеты, древние религии и обряды и т.д. Последнее стремление у него сильно связано с положительным или даже сакральным отношением к быту (Ure 2011: 142-144, 183-184)⁶. В этом смысле Розанов определял себя как бы «опоздавшим» мыслителем, принадлежащим к несправедливо забытой, но заслуживающей переоценки традиции русской мысли; это и есть мотив «Литературных изгнанников», где собраны письма «менторов» Н. Страхова и К. Леонтьева и друзей Ю. Н. Говорухи-Отрока и П. Флоренского, опять же с подробными примечаниями Розанова. Важно, что все это давало ему некоторое основание занимать консервативную позицию и сохранять преемственность традиции, на что могли претендовать не все консервативные писатели (напр., такие публицисты, как Меньшиков, коллега Розанова в «Новом времени»). Между тем, Розанов умел притягивать к себе читателей нового типа, не принадлежавших традиции разночинцев 1860-х годов и подходивших к общественным вопросам под углом зрения более личной мотивации (такой, как самореализация или потребление). Розанов обращал внимание на таких читателей, в особенности из учащих девушек (например, Вера Мордвинова), чьи письма он печатал с собственными примечаниями в своей рубрике «Из жизни, исканий и наблюдений студенчества» в Петроградском студенческом журнале православного направления «Вешние воды» с 1914 по 1916 г.⁷ Ему очень нравилось консервативное отношение к жизни этой курсистки, которая, однако, не была равнодушна к обществу, но показывала сильный интерес к жизни народа и патриотическое чувство во время войны (Нонака 2009). Таковую же тенденцию можно наблюдать и в «Дневнике русской женщины» Елизаветы Дьяконовой, который Розанов, как говорят, похвалил как «явление глубоко национальное, русское». Именно «национальное»

нового типа, или патриотизм времени массовой культуры, по-видимому, занимал Розанова как публициста.

Таким образом, можно сказать, что у Розанова было и новое, и старое, или другими словами, и новаторское, и архаичное. Но более существенно то, что он все время подвергал видоизменению их границу с помощью своего стиля, жанра и медиа в контексте становления массовой культуры, которая отличалась от элитной быстротой и немотивированностью смены «нового» и «старого».

Литература

- Бурлака Д. К. (ред.) 1995. В. В. Розанов: Pro et Contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Том I и II. СПб.: РХГИ.
- Германов В. 1995. Религия быта (Розанов. Уединенное. Опавшие листья, т. I и II). // Бурлака 1995: II, 251-266.
- Долгополов Л. 1988. Андрей Белый и его роман «Петербург». Л.: «Советский писатель».
- Дьяконова Е. А. 2006. Дневник русской женщины. М.: Издательский дом Международного университета в Москве.
- Динерштейн Е. А. 1995. А. С. Суворин и его газета «Новое время» // Новое литературное обозрение. №15: 183-193.
- Динерштейн Е. А. 1998. А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. М.: «Российская политическая энциклопедия».
- Лебедева В. Г. 2007. Судьбы массовой культуры России. Вторая половина XIX—первая треть XX века. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета.
- Лосев А. Ф. 2001. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М.: «Мысль».
- Нонака Сусуму. 2009. «Примечания к чужим письмам как способ медиальной диалогичности В. Розанова («Литературные изгнанники» и др.)» // Acta Slavica Iaponica 27: 125-138.
- Розанов В. В. 1995. В мире неясного и нерешенного. Ред. А. Н. Николокина. М.: «Республика».
- Розанов В. В. 2000. Литературные изгнанники: Воспоминания. Письма. М.: «Аграф».
- Розанов В. В. 2004. Семейный вопрос в России: Том I и II. Материалы для III тома. Ред. А. Н. Николокина. М.: «Республика».
- Розанов В. В. 2006. Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову // Признаки времени. М.: «Республика».
- Розанов В. В. 2006а. Из жизни, исканий и наблюдений студенчества. Сост. А. Ф. Малышевского. Калуга: «Гриф».
- Розанов В. В. 2008. Религия и культура. Ред. А. Н. Николокина. М.: «Республика».
- Розанов В. В. 2009. Эстетическое понимание истории. Ред. А. Н. Николокина. М.:

Значение писем читателей для эволюции творчества В. Розанова

«Республика».

Розанова Татьяна. 1999. «Будьте светлы духом» (Воспоминания о В. В. Розанове). М.: «Blue Apple».

Сухов А. Д. (сост.) 1995. Сто русских философов. Биографический словарь. М.: «Мирта».

Трубецкой С. Н. 1995. Чувствительный и хладнокровный // Бурлака 1995: I, 293-302.

Фатеев В. А. 2002. С русской бездной в душе: Жизнеописание Василия Розанова. СПб.: «Кострома».

Эткинд А. Е. 1993. Эрос невозможного: История психоанализа в России. СПб.: «Медуза».

Ambler, Effie. 1972. Russian Journalism and Politics, 1861-1881: The Career of Aleksei S. Suvorin. Toronto: Wayne State University Press.

Clowes, Edith W. 2004. Fiction's Overcoat: Russian Literary Culture and the Question of Philosophy. Ithaca and London: Cornell University Press.

Crone, Ann Lisa. 2010. Eros and Creativity in Russian Religious Renewal: The Philosophers and the Freudians. Leiden, Boston: Brill.

Engel, Barbara Alpern. 1996. Between the Fields and the City: Women, Work, and Family in Russia, 1861-1914. New York: Cambridge University Press.

Engel, Barbara Alpern. 2011. Breaking the Ties That Bound: The Politics of Marital Strife in Late Imperial Russia. Ithaca and London: Cornell University Press.

Engelstein, Laura. 1992. The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia. Ithaca and London: Cornell University Press.

McReynolds, Louise. 1991. The News under Russia's Old Regime; the Development of a Mass-circulation Press. Princeton: Princeton University Press.

Hutchings, Stephen C. 1997. Russian Modernism: The Transfiguration of Everyday. Cambridge and New York: Cambridge University Press.

Matich, Olga. 2005. Erotic Utopia: The Decadent Imagination in Russia's Fin de Siècle. Madison: The University of Wisconsin Press.

Rosenthal, Bernice Glatzer. 1975. Dmitri Sergeevich Merezhkovsky and the Silver Age. The Hague: Nijhoff.

Ure, Adam. 2011. Vasilii Rozanov and the Creation: The Edenic Vision and the Rejection of Eschatology. New York: Continuum.

Vincent, David. 2000. The Rise of Mass Literacy: Reading and Writing in Modern Europe. Cambridge: Polity.

Wagner, William G. 1994. Marriage, Property and Law in Late Imperial Russia. Oxford: Clarendon Press.

1. Например: «Пол—трансцендентен; и как радования его трансцендентны (счастливая любовь), так трансцендентна его тоска, его уныние» (Розанов 2004: 50).
2. Розанов часто обращался к тезису о разводе как «единственном средстве очищения и оздоровления семьи» и «укрепителе ее здоровья, свежести и силы» (Розанов 2004: 103, 21).

3. Тут надо иметь в виду, разумеется, возможность сочинения или изменения Розановым текста писем читателей. Для разьяснения этого вопроса необходимы архивные исследования.
4. О вопросе «незаконнорожденных» детей в больших городах см. также Engel 1996: chap. 5.
5. Розанов пишет о своей близости к «петербургскому славянофильству» или «славянофильству «почвенников»» (Розанов 2009: 560)
6. Розанов пишет в 1897 г.: «Традиция—это счастье, это—избавление нас от труда, сложение с нас 9/10 тяготы жизни, которые мы берем без размышления, как привычку, чтобы свободно сотворить остающуюся 1/10» (Розанов 2009: 573-574).
7. Розанов 2006а: 8-9. О журнале «Вешние воды» и Вере Мордвиновой см. Фатеев 2002: 549-555.

ABSTRACT

The Significance of Readers' Letters in the Evolution of Vasily Rozanov's
Work (*In the Dark and Unresolved World* and other works)

Nonaka Susumu

Vasily Rozanov, a Russian writer and critic at the turn of the 19th and 20th centuries, was also a popular feuilleton writer of newspapers such as *New Time*, contributing essays about various social and political topics. In this essay we pay special attention to the polemic which he did mainly in *New Time* in the late 1890s on the issue of sex, marriage, divorce and family in Russia, especially on the problems of the very severe (almost impossible) conditions for divorce and the status of the “unlawful” family and children in which he found himself and his family. Editing his essays into some books, Rozanov incorporated into the text dozens of letters his readers sent him with his lengthy comments. While sex had been regarded as an improper topic for the mass media, he made use of his readers’ letters about their marital lives so that private matters could enter into the public discourse. In his rather emotional, intuitive comments, Rozanov anticipated or manipulated his readers’ reactions to those anonymous voices about the private spheres of ordinary lives. His strategy made a huge sensation although this was not only due to his talent as a polemist and a writer, but also to the social conditions of Russia which saw the formation of the middle class and mass culture with new attitudes to the boundaries of private and public life.